

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ПЕРВЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Казань – 2010

УДК 94(47).06-08(063)

ББК 63.3(2)5+79.0

П 26

Редакционная коллегия:

*Бикташева А.Н., Салихов Р.Р.,
Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.*

Ответственный редактор:

Миннуллин И.Р.

П 26 Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников», Круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» (Казань, 20–21 ноября 2008 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 236 с.

В сборник вошли материалы нескольких мероприятий, объединенных под названием «Первые Кремлевские чтения». Здесь представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», посвященных воздействию реформ на общественно-политическую, социально-экономическую и духовную жизнь регионов России, институту губернаторства в Российской империи, истории Кремлей. Материалы заседаний Круглых столов «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников» и «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» представляют интерес с точки зрения правового положения музеев-заповедников, их хозяйственно-административной деятельности, сохранения историко-культурного наследия. Книга рассчитана на широкий круг специалистов – историков, краеведов, специалистов в области изучения и охраны культурного наследия.

ISBN 978-5-9690-0108-4

© Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Казанский Кремль», 2010

© Институт истории АН РТ, 2010

© Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010

Берестова Е.М.

**Взаимодействие светской и духовной власти
в сфере этноконфессиональной политики
в конце XIX – начале XX вв.: (по материалам фондов
канцелярии вятского губернатора и духовных правлений)¹**

Важную роль в изучении этноконфессиональной политики Российской империи играют фонды региональных архивов. Документы, находящиеся в них не только наглядно демонстрируют меры по практической реализации тех или иных правительственных начинаний, но и позволяют проследить процесс взаимодействия светской и духовной власти в сфере этноконфессиональной политики.

В провинции высшим представителем светской власти являлся губернатор, а духовная власть была представлена епархиальным архиереем, духовной консисторией и духовными правлениями. Вся Россия в церковно-административном отношении делилась на округа – епархии, границы которых с конца XVIII в. совпадали с губернскими, таким образом, Вятская епархия располагалась в пределах Вятской губернии. Епархиальный архиерей осуществлял церковное руководство совместно с духовной консисторией и в тесном взаимодействии с губернатором.

Большое значение для изучения данной проблемы имеют фонды Государственного архива Кировской области (ГАКО), в частности фонд 582 канцелярии Вятского губернатора. Помимо указов и распоряжений центрального правительства, там содержится интереснейшая переписка между губернатором и руководством епархии. Так, в письме Филарета, епископа Вятского и Слободского, Вятскому губернатору И.М. Страховскому содержится серьезный анализ государственной этноконфессиональной политики и причины неудач отдельных правительственных мер. В частности, характеризуя деятельность отдельных священнослужителей, епископ Филарет отмечал: «... в унисон с мнением большинства «скорее обрусить инородцев», являлись на их моления с крестным ходом, опрокидывали

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-80105a/y).

их котлы с жертвенным мясом, рубили их священные рощи и т.д., но, конечно, подобными энергичными, но совсем не миссионерскими, мерами ни сколько не направляли инородцев на путь истины, а, напротив, многих окончательно озлобили»². Также значительный интерес представляют распоряжения губернатора о предотвращении возможных волнений марийского, татарского и удмуртского населения в связи с теми или иными событиями в стране. Важная роль в этих документах отводится духовенству.

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) в фондах Сарапульского (ф. 245) и Глазовского (ф. 134) духовных правлений сосредоточен огромный массив документов самого разнообразного характера. Здесь можно найти указы императора и Св. Синода, выпущенные на их основании распоряжения епархиального начальства и викарных архиереев, ответные отчеты благочинных и приходских священников, переписку между правлениями и духовенством епархии и представителями администрации, рапорты благочинных священников, отчеты миссионеров, дела о расторжении браков, о наложении церковных наказаний, о самоубийствах, прошения о назначении пособий, о вступлении в брак, о разводе и т.д.

Особый интерес представляют рапорты приходских и благочинных священников о состоянии церкви, духовенства и паствы, которые предоставлялись два раза в год. Эти документы составлялись по определенным унифицированным образцам, что имеет свои плюсы и минусы. К достоинствам можно отнести систематизацию сведений, возможность сравнения данных за несколько лет и на разных территориях. Недостатком является формальное отношение к написанию документов, шаблонность и поверхностность изложения, неточность представляемых сведений. В подавляющем большинстве рапортов сведения о церкви (количество и состояние, количество богаделен и больниц при церквях, состояние церковного строительства, благотворительности и письмоводства) и духовенстве (количество, образование, нравственное состояние и материальное обеспечение) повторяются из года в год без каких-либо существенных изменений. Только в случае назначения нового священника в рапорте могла появиться другая информация. Более разнообразные сведе-

² ГАКО. Ф.852. Оп.150, Д.130. Л.44–53.

ния содержались в пунктах, посвященных пастве и образованию. В рапортах записывались сведения о количестве прихожан, их этнической принадлежности, обязательно указывалось, сколько на территории прихода проживает неправославных (раскольников, сектантов, мусульман и язычествующих). Самая интересная информация касалась религиозно-нравственного состояния прихожан. Именно отсюда можно узнать о тех пережитках язычества, которые сохранились у крещенных марийцев и удмуртов, о различных суевериях русского населения, о распространении среди прихожан отдельных приходов пьянства или азартных игр.

На основании отчетов и рапортов миссионеров и приходских священников духовное и светское начальство делало выводы о религиозно-нравственном состоянии населения и о мерах, необходимых для более успешной христианизации. Очень часто вопросы, поднимавшиеся в отчетах, служили отправной точкой для распоряжений и постановлений Вятской Духовной консистории, а иногда и Св. Синода.

Рапорты духовенства и переписка между епархиальным начальством и полицейскими чинами свидетельствует о том, что распространение христианства не всегда проходило гладко, иногда священникам приходилось сталкиваться с открытым сопротивлением населения. Вот как описывает события, происшедшие в деревне Ильнет в 1901 г., инородческий миссионер Василий Домрачев: «Утром 31 августа, взяв с собою ковчег со Св. Евангелием и крестом, три небольших по размеру из церкви иконы, для священнических облачения и все необходимое для совершения молебна, я с псаломщиком Мышкиным приехал в Ильнет часов около 8 и остановился в доме крестьянина Ивана Овечкина, ожидая приезда священника о. Ергина. ... Между тем толпа черемис оказавшаяся даже из разных селений быстро начала подступать к дому Овечкина. О. Ергин подъехал к дому Овечкина же, ворота коего были заперты. Ворота кто-то открыл, и они вбежали в ограду. На улице началось избивание понятых. Некоторые из черемис с палками в руках жестоко били всех, кто только попадался им под руки и избивали более 20 человек. При этом более всего пострадал Кузьма Васильев Сидоров и русский крестьянин деревни Куяновой Михаил Игнатьев, у которого были переломаны 4 ребра. Толпа бушевала до тех пор, пока остальные понятые не распрятались кто куда могли, кто на сеновале, кто в

погребу или в другом месте. Бежать из деревни никакой возможности не было, так как черемисы оцепили все деревню кругом, стояли на дорогах, в переулках и на огородах. В сильном страхе находились мы в доме Овечкина, запершись и не находили ни какого способа выхода из него (здесь нас было 15 человек). Хотя находившиеся с нами люди в доме Овечкина некоторые и говорили, что хотят убить и «попов», т.е. нас, однако толпа разъярившихся черемис в ворота Овечкина попасть не пыталась, не отбивала их, и никаких нам угроз с улицы не доносилось. Проходил по улице некто Николай Крюков, служащий у Ушкова, мы позвали его и попросили как можно скорее передать о случившемся и наших обстоятельствах в Кокшанский завод уряднику и позвать оттуда людей для оказания нам помощи. Часа через два приехал урядник с людьми, явились и разбежавшиеся понятые наши»³. Состоявшаяся за несколько дней до этого вырубка священной рощи марийцев в присутствии Сарапульского епископа Владимира стала причиной подачи жалобы на имя Обер-прокурора Синода. В ней крестьяне-язычники писали: «Ввиду того, что действия Преосвященного епископа Сарапульского не только не гармонируют, а даже явно противоречат указаниям закона (65, 67 и 70 ст. т. XIV Уст. о пред. и пресеч. прест.), трактующего о том, что и язычники повсеместно пользуются свободным отправлением их веры и богослужениям по обрядам оной, что все и каждому запрещено ради различия веры, заводить споры, распри или чинить поношения, и что господствующая в пределах Российской империи Православная католическая вера и церковь не позволяют себе принудительных средств при обращении иноверцев к Православию, мы сами лично и по просьбе своих единоверцев, законные права которых попораны незаконными действиями Преосвященного епископа Сарапульского, о вышеизложенном имеем честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства в тех видах, чтобы Святейший Правительствующий Синод поставил епископу Сарапульскому на вид не тактичность его действий, а нам язычникам, в силу прямого закона, было дозволено и впредь свободно совершать обряды и моления по вере наших предков. О последующих по сему прошениям распоряжениях просим нам объявить»⁴. На основании данной жалобы Св. Синодом

³ ЦГА УР. Ф.245. Оп.1. Д.2236. Л.4–5 об.

⁴ ЦГА УР. Ф.245 Оп.1. Д.2236. Л.24–25 об.

было проведено расследование этого случая, а также волнений 31 августа в деревне Ильнет, результатом которого стало издание указа от 31 мая 1902 г. № 4158. Епископ Владимир был перемещен в Рязанскую епархию, священник Ергин переведен в русский приход, всем инородческим миссионерам и священникам, служащим в приходах со смешанным населением были сделаны «внушения».

Тесно взаимодействуя с представителями православной церкви, губернские власти, однако, не всегда поощряли их активную деятельность по христианизации населения. Для центрального правительства и губернатора спокойствие в национальных районах и преданность населения престолу было гораздо важнее конфессионального единообразия и чистоты православной веры. Поэтому государство в большинстве случаев лишь формально поддерживало православную церковь в ее миссионерской деятельности. Как только христианизация начинала вызывать активное сопротивление населения, государство практически полностью устранялось от дела миссии, не позволяя и церкви проявлять чрезмерную активность.